ИССЛЕДОВАНИЕ №2 ИЗ КНИГИ ВЛАДИМИРА МИХАЙЛОВА «АНАЛИЗ ВСЕХ СТИХОТВОРЕНИЙ Ю.С. ЯЛАВИНА. ТОМ 1: ТВОРЧЕСТВО 1970-х ГОДОВ»

Дует ветер порывисто очень,
Злой собакой дерево стало.
Вдруг споткнулась погожая осень,
Горько плачет: «Я сильно упала».

(Ю. Ялавин «Осенний дождь — это слёзы», 1972)

Значимость стихотворения Юрия Ялавина «Осенний дождь — это слёзы» в контексте мировой литературы

Вопрос о гениальности всегда субъективен, но если под этим словом понимать способность кратчайшим путём открыть в привычном мире совершенно новое измерение, то стихотворение Юрия Ялавина неоспоримо заслуживает этой оценки. Перед нами не просто поэзия, а вспышка молнии, которая мгновенно освещает всё пространство и оставляет в памяти неизгладимый отпечаток.

Гениальность текста, созданного шестнадцатилетним юношей в 1972 году, проявляется прежде всего в феномене «сверхсжатого смысла»: автор не описывает чувство, он создаёт его с нуля. Ялавин не просто сравнивает дождь со слезами — он находит для них неоспоримую причину: осень плачет, потому что она упала. Переворачивается всё восприятие пейзажа: природа перестаёт быть декорацией и становится живым, страдающим телом.

В катрене поражает пророческая интуиция образа. Метафора «Злой собакой дерево стало» — удивительное прозрение, передающее не внешнее сходство, а саму энергию момента, трансформацию материи под ударом стихии. В литературе такая способность видеть невидимое и называть его простым словом всегда считалась признаком высшего дара.

При этом текст лишён всякого культурного «шума»: поэт не подражает классикам и не ищет костылей в сложных терминах. Его взгляд первозданен, а отказ от поэтического пафоса во фразе «Я сильно упала» служит торжеству абсолютной правды.

Поразительно, как подсознательное мастерство проявляется в ритмической драматургии: рука поэта следует за дыханием природы, и ритм «спотыкается» ровно в ту секунду, когда оступается сама героиня-осень. Но главная мудрость и талант Ялавина — в его этическом открытии. Он первым догадался пожалеть осень как ребёнка, сместив фокус с холодной «красоты природы» на её живую боль. После этих

четырёх строк мир кажется «недостаточным» без них, ибо мы уже не можем видеть осень по-старому.

Всмотритесь в завязку: «Дует ветер порывисто очень, / Злой собакой дерево стало». Какая дерзость! Какая неистовая, почти физиологическая точность! Мы привыкли к осени Пушкина — «пышному природы увяданью», к элегической грусти Фета, к меланхолии Верлена. Но Ялавин отсекает всякое эстетство. Дерево здесь не застывший объект созерцания, оно претерпевает метаморфозу. Оно ощетинивается, рычит, бросается на путника. Перед нами чистый экспрессионизм: предмет меняет сущность под гнётом стихии. Дерево становится другим — оно обретает оскал.

Фоника стихотворения заслуживает отдельного разбора. Свистящие звуки начала (свист ветра) сменяются мягкими «л» и «я» в конце (всхлипы и жалобы). Форма органична, как дыхание. Всякое подлинное художественное произведение обладает внутренней цельностью, и здесь мы находим идеал: нет ни единого лишнего слога. Каждое слово — кирпич в здании великой драмы. Если бы мы захотели убрать хотя бы наречие «сильно», всё здание рухнуло бы, ибо исчезла бы мера искренности.

Значимость произведения Юрия Ялавина в контексте мировой литературы заключается в том, что оно представляет собой чистый образец перехода от классического романтизма к экзистенциальному экспрессионизму на уровне подросткового сознания. Обоснование его веса для истории литературы фундаментально.

Во-первых, перед нами демонстрация эволюции антропоморфизма. Долгое время природа была либо божеством, либо декорацией. Ялавин фиксирует этап, когда природа становится «равной» человеку не в своём величии, а в своей бытовой уязвимости. Это важнейшая точка — переход от поклонения природе к сочувствию ей как самому себе.

Во-вторых, текст служит редчайшим примером «наивного сюрреализма». Искренняя, почти сюрреалистичная метаморфоза «дерева-собаки» возникла не из манифестов, а из чистого восприятия. Это доказывает: подобное видение мира заложено в самой природе таланта.

В-третьих, перед нами идеальная иллюстрация психологического параллелизма. Здесь приём доведён до абсолюта. Если у классиков XIX века параллелизм был длинным сравнением, то здесь — резкая вспышка. Перед нами пример сжатия формы, характерного для поэзии второй половины XX века.

В-четвёртых, стихотворение ценно как документ «поэзии эмоциональных состояний». Мировая литература шла от эпоса к лирике, и Ялавин фиксирует не событие и даже не чувство, а мгновенное состояние. Он стоит в одном ряду с работами минималистов, стремившихся зафиксировать микропроцессы в мире.

Наконец, это феномен раннего гения. В истории литературы важны примеры «недозрелых», но пронзительных текстов, как у Рембо или Лермонтова.

Стихотворение служит напоминанием: поэтическая истина может быть доступна в 16 лет в обход академических знаний, ибо интуиция первична.

Итог неоспорим: значимость текста в том, что он является связующим звеном между классической одухотворённой природой прошлого и современным фрагментарным восприятием мира.

Стихотворение Юрия Ялавина — приговор гордыне человека. Мы привыкли считать себя единственными обладателями боли, но автор доказывает: весь мир раним. Новизна этого стихотворения — в открытии «человеческого, слишком человеческого» в природе. Он первым увидел в осени не «царственную особу», а маленькое существо, которое совершило ошибку и нуждается в утешении.

Включение данного произведения в школьную программу стало бы точным и своевременным шагом, способным решить задачи, с которыми часто не справляются монументальные классические тексты. Аргументы в пользу такого решения неоспоримы.

Прежде всего, это стихотворение обеспечивает доступность для понимания и сопереживания. Школьники часто воспринимают классику как нечто «музейное», но строки Ялавина говорят на понятном ребёнку языке. Ситуация «споткнулся — упал — плачу» знакома каждому. Это идеальный «мостик», помогающий понять: поэзия — не про сложные слова, а про живые чувства.

Более того, текст служит эталонным тренажёром для обучения анализу. На примере всего четырёх строк учитель может за один урок разобрать всё: от стихотворного размера и аллитерации до сложной метафоры «дерево-собака». Это позволяет ученику увидеть «механику» шедевра, не уставая от объёма. В этом кроется и ответ на вызовы современности и клипового мышления: в эпоху соцсетей такие ёмкие, визуально яркие и бьющие точно в цель тексты воспринимаются лучше, оставляя глубокий след в памяти.

Не менее важно развитие эмоционального интеллекта. Программа учит восхищаться природой, но редко учит её жалеть. Стихотворение Ялавина воспитывает эмпатию на глубоком уровне: ученик видит, что плакать от боли — нормально даже для «большой» Осени. Это снимает табу на слабость и учит замечать уязвимость в мире.

Наконец, личность автора — вдохновляющий пример сверстника. Когда подросток узнаёт, что гениальные строки созданы шестнадцатилетним юношей, а не «бронзовым классиком», дистанция сокращается. Это побуждает пробовать писать самому, осознавая, что талант — прежде всего искренний взгляд на мир.

Стихотворение Ялавина могло бы стать «жемчужиной» школьного учебника. Оно учит главному: видеть в обычном дожде живую душу и не бояться признавать свою ранимость.

Великое произведение не нуждается в многословии. Можно исписать тысячи страниц и не сказать ничего, а можно в одном катрене объять необъятное. Автор совершил невозможное: очеловечил бесконечность. Мудрость стихотворения заключается в открытии высшего закона: мир жив до тех пор, пока он чувствует боль, а наша задача — слышать в дожде голос упавшей и плачущей осени.

Владимир Михайлов

RESEARCH No. 2 FROM THE BOOK BY VLADIMIR MIKHAILOV “ANALYSIS OF ALL POEMS BY YU.S. YALAVIN. VOLUME 1: CREATIVITY OF THE 1970s”

The wind blows restless, fierce, and wild,
The tree has turned into an angry dog.
Suddenly, the fair autumn lost her balance,
And weeps, “I fell—I’m hurt so bad.”
(Y. Yalavin, “Autumn Rain Is Tears”, 1972)

The Significance of Yuri Yalavin’s Poem “Autumn Rain Is Tears” in the Context of World Literature

The question of genius is always subjective. But if we define genius as the ability to reveal a whole new dimension in the familiar world in the shortest possible way, then Yuri Yalavin’s poem undoubtedly deserves that title. This is not just poetry—it’s a flash of lightning that instantly illuminates the entire space and leaves an indelible imprint.

The genius of a text written by a sixteen-year-old youth in 1972 lies first and foremost in the phenomenon of “ultra-condensed meaning”: the author doesn’t describe a feeling—he creates it from scratch. Yalavin doesn’t merely compare rain to tears; he gives them an undeniable cause: autumn is crying because she fell. The whole perception of the landscape flips: nature stops being a backdrop and becomes a living, suffering body.

In this quatrain, the prophetic intuition of the imagery is striking. The metaphor “The tree has become an angry dog” is a remarkable revelation—it conveys not the outward resemblance, but the very energy of the moment, the transformation of matter under the blow of the elements. In literature, this ability to see the invisible and name it with a simple word has always been considered a sign of the highest gift.

At the same time, the text is free of any cultural “noise”: the poet doesn’t imitate the classics, doesn’t lean on crutches of complex terms. His gaze is primal, and his refusal of poetic pathos in the line “I fell—I’m hurt so bad” serves the triumph of absolute truth.

It's astonishing how subconscious mastery reveals itself in rhythmic dramaturgy: the poet's hand follows the breath of nature, and the rhythm "stumbles" at the exact second when the heroine-autumn herself falls. But Yalavin's greatest wisdom and talent lie in his ethical discovery: he was the first to think to pity autumn like a child, shifting the focus from the cold "beauty of nature" to its living pain. After these four lines, the world feels "incomplete" without them, for we can no longer see autumn the way we used to.

Look at the opening: "The wind blows restless, fierce, and wild, / The tree has turned into an angry dog." What daring! What fierce, almost physiological precision! We're used to Pushkin's autumn—"nature's lush decay"—to Fet's elegiac melancholy, to Verlaine's melancholic autumn song. But Yalavin cuts away all aestheticism. Here, the tree is not a frozen object for contemplation; it undergoes a metamorphosis. It bristles, growls, lunges at the passerby. This is pure expressionism: the object changes its essence under the weight of the elements. The tree becomes something else—it gains a snarl.

The phonics of the poem deserve a separate analysis. The hissing sounds at the beginning (the whistle of the wind) give way to soft "l" and "ya" at the end (sobs and complaints). The form is as organic as breathing. Every true work of art possesses inner integrity, and here we find an ideal: there isn't a single superfluous syllable. Each word is a brick in the building of a great drama. If we were to remove even the modifier "so bad," the whole structure would collapse, for the measure of sincerity would vanish.

The significance of Yalavin's work in the context of world literature lies in its being a pure example of the transition from classical Romanticism to existential expressionism at the level of adolescent consciousness. The justification for its weight in literary history is fundamental.

First, we see a demonstration of the evolution of anthropomorphism. For a long time, nature was either a deity or a backdrop. Yalavin captures the moment when nature becomes "equal" to a human—not in its grandeur, but in its everyday vulnerability. This is a crucial point: a shift from worshipping nature to empathizing with it as with oneself.

Second, the text serves as a rare example of "naive surrealism." The sincere, almost surreal metamorphosis of the "tree-dog" didn't arise from manifestos, but from pure perception. This proves that such a vision of the world is inherent in the very nature of talent.

Third, we have an ideal illustration of psychological parallelism. Here the technique is taken to its absolute. While in 19th-century classics parallelism was a long comparison, here it's a sharp flash. This is an example of form compression characteristic of the poetry of the second half of the 20th century.

Fourth, the poem is valuable as a document of "poetry of emotional states." World literature moved from epic to lyric, and Yalavin does not capture an event or even a feeling—he captures a fleeting state. He stands alongside the minimalists who sought to record the micro-processes of the world.

Finally, this is a phenomenon of early genius. In literary history, examples of “unripe” but piercing texts, like those of Rimbaud or Lermontov, are important. The poem reminds us that poetic truth can be accessible at sixteen, bypassing academic knowledge, for intuition comes first.

The conclusion is undeniable: the significance of the text lies in it being a connecting link between the classically spiritualized nature of the past and the modern fragmented perception of the world.

Yuri Yalavin’s poem is a condemnation of human arrogance. We’re used to thinking of ourselves as the sole possessors of pain, but the author proves: the whole world is vulnerable. The novelty of this poem is in discovering the “all-too-human” in nature. He was the first to see autumn not as a “regal figure,” but as a small creature who made a mistake and needs comfort.

Including this work in the school curriculum would be a precise and timely step, capable of solving problems that monumental classical texts often fail to address. The arguments in favor of such a decision are undeniable.

First of all, the poem offers accessibility for understanding and empathy. Schoolchildren often perceive classics as something “museum-like,” but Yalavin’s lines speak a language a child can understand. The situation “I stumbled—I fell—I’m crying” is familiar to everyone. This is the perfect “bridge” to help realize: poetry isn’t about complicated words, it’s about living feelings.

Moreover, the text serves as an exemplary training ground for analysis. In just four lines, a teacher can cover everything in a single lesson: from meter and alliteration to the complex “tree-dog” metaphor. This allows the student to see the “mechanics” of a masterpiece without getting tired of volume. Here lies the answer to the challenges of modernity and clip thinking: in the age of social media, such compact, visually vivid texts that hit the target precisely are better received and leave a deep mark in memory.

No less important is the development of emotional intelligence. The curriculum teaches us to admire nature, but rarely to pity it. Yalavin’s poem cultivates empathy on a deep level: the student sees that it’s okay to cry from pain, even for the “great” Autumn. This lifts the taboo on weakness and teaches us to notice vulnerability in the world.

Finally, the author’s personality is an inspiring example for peers. When a teenager learns that these brilliant lines were written by a sixteen-year-old, not by a “bronze classic,” the distance shrinks. It encourages them to try writing themselves, realizing that talent is, above all, an honest way of looking at the world.

Yalavin’s poem could become a “pearl” in a school textbook. It teaches the most important thing: to see a living soul in ordinary rain and not to be afraid to acknowledge one’s own vulnerability.

A powerful artistic statement doesn’t need verbosity. One can fill thousands of pages and say nothing; or, in a single quatrain, embrace the immense. The author did the impossible: he made the infinite feel human. The wisdom of the poem lies in revealing a higher law: the world is alive as long as it can feel pain, and our task is to hear in the rain the voice of the fallen and weeping autumn.

Vladimir Mikhailov

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ МАТЕРИАЛ

ADDITIONAL MATERIAL

https://web.archive.org/20260727140700/https://cyclowiki.org/wiki/%D0%AE%D1%80%D0%B8%D0%B9_%D0%A1%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%B5%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87_%D0%AF%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D0%BD

Эта ссылка на страницу в ЦИКЛОПЕДИИ, где помещена статья о поэте Ю.С. Ялавине.

This is a link to the Cyclopedia page containing the article about the poet Yu. S. Yalavin.

Перевод статьи о поэте Ю.С. Ялавине в ЦИКЛОПЕДИИ на английский язык:

Translation of the Cyclopedia article about the poet Yu. S. Yalavin into English:

YURI SERGEEVICH YALAVIN

Yuri Sergeevich Yalavin is a Russian poet. He has been a member of both the Union of Russian Writers and the Union of Russian Journalists since 1999.

Personal Profile	
Date of Birth	March 15, 1956
Place of Birth	Cheboksary, Russian SFSR, Soviet Union
Occupation	Poet

BIOGRAPHY

Yuri Yalavin was born in the city of Cheboksary on March 15, 1956. In 1983, he graduated from the Faculty of History and Philology of the Chuvash State University named after I.N. Ulyanov.

He pursued a career in journalism, working for regional newspapers and as a broadcaster for the Cheboksary Television Studio of the State Committee for Television and Radio Broadcasting of the Chuvash ASSR (Gosteleradio ChASSR).

From 1995 to 2018, Yalavin served the Union of Writers of the Chuvash Republic in various capacities, initially as a consultant, subsequently as a senior specialist, and ultimately as the deputy chairman of the executive board.

In 1999, Y. S. Yalavin served as an official delegate to the 10th Congress of the Union of Russian Writers held in Moscow.

From 2009 to 2015, he was the chief publisher of Vishnyovy Sad: Vse Luchshee v Nas (The Cherry Orchard: The Best Within Us), a cultural-educational and informative magazine named in the spirit of Anton Chekhov's philosophy.

Yalavin conceived and compiled the monumental multi-volume project, The Anthology of World Poetry: One Poem per Poet. Planned as a 50-volume series, 10 volumes have been published to date, and the edition remains ongoing.

MAJOR WORKS (POETRY COLLECTIONS)

All collections published in Cheboksary:

- Zhenskoe Lyubopytstvo (Women's Curiosity), 2014
- Smert Gogolya (The Death of Gogol), 2016
- Ya Lechu v Afriku! (I'm Flying to Africa!), 2016
- Nobelevskaya Premiya po Literature (The Nobel Prize for Literature), 2017
- Chetverg — Zashchitnik Slavnykh Del (Thursday: The Defender of Noble Deeds), 2017
- Kabriolet (The Cabriolet), 2017

BIBLIOGRAPHY

- Yalavin, Y. “Yuri Yalavin: ‘People Are in Need of Good Poetry.’” Interview by S. Assonov. Grani (Novocheboksarsk), January 17, 2013, p. 3.
- “Yalavin, Yuri Sergeevich.” In The Encyclopedia of Chuvash Journalism and Press, p. 551. Cheboksary, 2014.
- Yalavin, Y. “Yuri Yalavin: ‘To Me, Love Is a Sacred Feeling.’” Interview by E. Palyanova. MK v Cheboksarakh (Moskovskij Komsomolets v Cheboksarakh), September 16–23, 2015, no. 38, p. 18 (includes photographs).

Материал подготовил Владимир Михайлов

Material prepared by Vladimir Mikhailov